

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОПОНИМАНИИ:
ОПЫТ ДОКТРИНАЛЬНОЙ РЕЦЕПЦИИ

В. И. КРУСС*

В публикации обосновывается значение научного и философско-правового наследия выдающегося российского правоведа Л. И. Петражицкого для теории и практики конституционализма в современной России. Психологический подход к праву в русле неклассической методологии познания сочетается у Л. И. Петражицкого с последовательной критикой позитивизма, не способного предложить убедительные ответы на многие сохраняющие актуальность юридические вопросы. Это касается, в частности: психологического прочтения личности как субъекта права; соотношения концептов индивидуального права и идеи прав человека; проблематики взаимосвязи права и нравственности; природы правового усмотрения; научных критериев достоверности положительного права; справедливости как юридически значимого принципа и ценности. Конституционная наука современного права должна внимательно относиться к таким разработкам, учитывая их международное признание и академический статус, в плане допустимой рецепции основных достижений. Компаративистский анализ обнаруживает, что психологическая методология права и деонтология у Л. И. Петражицкого не всегда вполне сбалансированы, однако нигде при этом его учение не входит в решающее противоречие с телеологией и духом конституционализма. Более того, по мнению автора публикации, выдающийся ученый интуитивно предвосхитил многие аспекты теории конституционного правопользования, и только юридическая реальность его времени, отсутствие необходимого «объекта» не позволяли ему выйти на соответствующий уровень обобщений. Глубокая и самобытная психологическая теория права и нравственности заслуживает быть признанной доктринальным источником для уточнения и развития современной теории конституционного права в широком смысле и является субсидиарным ресурсом конституционализации правовой системы России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия конституционализма, генеалогия конституционного правопонимания, психологизм в праве, актуальность наследия Л. И. Петражицкого.

Крусс Владимир Иванович,
д-р юрид. наук, проф.,
Тверской государственный
университет

* Vladimir I. Kruss — Dr. Sci. in Law, Professor, Tver State University.

E-mail: t-prava@yandex.ru

© Крусс В. И., 2017

УДК 34.01

KRUSS V. I. PSYCHOLOGICAL DIMENSION IN THE CONSTITUTIONAL UNDERSTANDING OF LAW: EXPERIENCE OF DOCTRINAL RECEPTION

The author substantiates the importance of a scientific and philosophical-legal heritage of the prominent Russian scholar L. Petrażycki for the theory and practice of constitutionalism in the contemporary Russia. L. Petrażycki combined the psychological approach to law in line with the non-classical methodology of knowledge with the consistent criticism of positivism which is not able to offer convincing answers to many relevant legal issues. This applies, in particular, to a psychological interpretation of a personality as a subject of law; correlation between the concepts of individual law and the idea of human rights; the problems of interconnection between law and morals; nature of legal discretion; scientific criteria of validity of positive law; justice as a legally relevant principle and value. Modern constitutional law science should be attentive to such developments, given their international recognition and academic status in terms of acceptable reception of the main achievements. The comparative analysis reveals that L. Petrażycki's psychological methodology of law and ethics are not always quite balanced, however in his doctrine there are no decisive contradictions to the teleology and the spirit of constitutionalism. Moreover, in the author's opinion, the prominent scientist has intuitively anticipated many aspects of the theory of constitutional enjoyment of rights, and only the legal reality of his time, the lack of the necessary "object" did not allow him to reach the appropriate level of generalization. The profound and original psychological theory of law and morality deserves to be recognized as a doctrinal source of clarification and development of the modern theory of constitutional law in a broad sense; is a subsidiary resource of constitutionalization of the Russian legal system.

KEYWORDS: philosophy of constitutionalism, genealogy of the constitutional understanding of law, psychology of law, relevance of L. Petrażycki's heritage.

О конституционном правопонимании в современном российском правоведении (теории и философии права) говорят мало, не прямо и как бы неуверенно. Номинально избегают такой терминологической характеристики даже авторитетные ученые-конституционалисты, внесшие значительный вклад в развитие и доктринальную легитимацию соответствующей онтологической послылки, методологии познания современного права, его необходимого последовательного восприятия. Понятие «конституционное правопонимание» с необъяснимым постоянством не звучит там, где в контексте философии современного (судебного) конституционализма обосновывается сущностное и ценностное назначение конституции и конституционного права как ядра всей национально-правовой системы и каждой отрасли в отдельности¹; где онтология права выступает последовательной производной от текста национальной конституции²; где заявляются концепты конституционной телеологии и герменевтики³; где, наконец, акту-

¹ Бондарь Н. С.: 1) Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 23–29; 2) Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 4–13.

² Гаджиев Г. А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М., 2015. С. 188–192.

³ Кравец И. А.: 1) Конституционная телеология и основы конституционного строя: науч.-практ. издание. [б. м.]: Издательские решения, 2016; 2) Конституция и герменевтика: вопросы теории // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 5. С. 38–49.

ализируются тенденции конституционного развития, многоуровневого регулирования и перспективы конституционной модернизации⁴.

Поскольку автор этих строк продолжает упорствовать в своей терминологической новации, настаивая в публикациях и выступлениях на теоретической состоятельности и эксклюзивном практико-ориентирующем значении именно и сугубо конституционного правопонимания⁵, юридическая наука доходит до возможности соответствующих понятийных аллюзий, хотя бы и не было в наследии выдающихся конституционалистов прямых тому подтверждений, как и заведомо неверного отождествления конституционного правосознания с конституционным правопониманием⁶.

Возможно, наиболее яркий пример обозначенного «номинального научного умолчания» дает видный отечественный теоретик права и конституционалист В. Д. Зорькин. При исчерпывающей характеристике практики и методологических новаций Конституционного Суда РФ в их соотношении с проблемой правопонимания, справедливо отмечая эклектическую несостоятельность «некоего интегративного (интегрального, синтетического и т. п.) правопонимания», он отказывается (по факту) от понятия, выражающего онтологическое слияние права и Конституции РФ, ограничиваясь суждениями о связи Конституции РФ с человекоцентристской парадигмой (и моделью) правопонимания, а также с естественно-правовой доктриной, призванной «подчеркнуть (наперекор господствовавшей ранее легистской доктрине) неоктроированный, безусловный и первичный по отношению к действующему законодательству характер прав человека»⁷.

Спорить с подобными утверждениями и формулировками неправильно и незачем⁸, однако и удовлетвориться ими вполне также нельзя. Современные (демократические) национальные конституции, вменяющие в обязанность демократической власти признавать, соблюдать и обеспечивать непосредственно действующие права и свободы человека (а равно и конституционные обязанности) как таковые — достоверное (безоговорочное), легитимное право. Правоведение не может упускать из виду клю-

⁴ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016. С. 99–100, 105 и сл.

⁵ См., в частности: Крусс В. И.: 1) Теория конституционного правопользования. М., 2007. С. 21–46; 2) Злоупотребление правом: учеб. пособие. М., 2010. С. 84–85; и др.

⁶ Умнова (Конюхова) И. А., Алешкова И. А. Верность Конституции как концепция конституционного правопонимания Н. В. Витрука // Верность Конституции: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н. В. Витрука. М., 2017. С. 10–15.

⁷ Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М., 2017. С. 40–42.

⁸ Как подчеркивает председатель Конституционного Суда РФ, «конституционный тезис о приоритете прав человека вовсе не означает, что общество в системе своих ценностных ориентаций должно ставить правовые ценности выше нравственных, религиозных и т. д.». Конституция образует фундамент национальной правовой системы не в качестве естественно-правовой доктрины, но вместе с естественным правом, «получившим выражение в общепризнанных принципах и нормах международного права. Она [Конституция РФ] призвана создавать такой порядок, при котором не расходились бы закон и право» (Зорькин В. Д. Конституционный Суд России... С. 49, 53). Из этого, на наш взгляд, уже прямо вытекает необходимость конституционного правопонимания.

чевые следствия онтологического и методологического значения такого положения дел. Дело в том, что именно в силу особой, конвенционной *реальности* национальных конституций юриспруденция получает возможность идентифицировать себя как науку и одновременно оказывается связана особыми критериями научной состоятельности своих результатов, которые во всяком случае должны быть конституционными, соответствовать эталону конституционного, идет ли речь о правах человека либо о принципах или конструкциях их нормативного опосредования, в том числе ограничения⁹. Российские ученые-юристы (безотносительно к их специализации) призваны исходить из несостоятельности (ошибочности) любых положений и выводов, противоречащих Конституции РФ как акту, феноменально форматирующему — номинальным содержанием и глубинными смыслами правогенерирующего текста — топическое место аргументации и суждений об объекте и предмете научно-правового познания. Конституционной в правоведении должна быть любая исследовательская субпозиция. В этом суть и конституционного правопонимания, априори постулирующего неправильность неконституционного, и конституционной методологии, без которой объективно невозможны ни синергия научно-правовых разработок, ни междисциплинарный синтез полученных результатов.

Исторически «путь к праву» и «борьба за право» всегда были в той или иной мере обусловлены целью и идеалом обретения такого — непререкаемого — юридического эталона. Профильные исследования за рамками крайнего (вульгарного) позитивизма дают удивительные результаты, раскрывают ретроспективную генеалогию конституционного правопонимания. В качестве примера можем сослаться на анализ творческого наследия Г. Ф. Шершеневича — ученого, традиционно причисляемого к когорте позитивистов¹⁰. Будучи приверженным идеалу права, он, как известно, предпринял парадоксальную для этого направления¹¹ попытку обосновать актуальность философии *положительного* права как именно *философии*, хотя бы и практически чуждой приверженности и метафизической интуиции, и отвлеченно-философским вариациям на тему баснословного естественного права. Поскольку, однако, российский правопорядок накануне XX в., который Г. Ф. Шершеневич положил основанием своего обобщающего анализа, был уже пропитан интенциями конституционных преобразований, постольку мы полагаем, что безоговорочная научная основательность мэтра так или иначе проявит себя в положениях и выводах, соотносимых и с актуальными задачами теории современного права, и с философией

⁹ Фактическое множество и необходимая взаимосвязь национальных правопорядков в глобальном измерении не отрицают реальности таких эталонов. Конституционные правопорядки существуют и достоверны постольку, поскольку они суверенны.

¹⁰ См., напр.: История государственно-правовых учений: учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2006. С. 623.

¹¹ Со времен К. Бергбома юридический позитивизм выступает против метаюридических принципов и идей, а равно и всех тех доктрин, которые пытаются исследовать не действующее, а предполагаемое или желательное право. См., напр.: История политических и правовых учений: учебник / под ред. О. Э. Лейста. М., 1997. С. 403–409.

реального конституционализма. И действительно, многое позволяет заключить, что идеи и искания Г. Ф. Шершеневича являются важной и поучительной страницей в истории восхождения человеческого духа и разума к конституционному идеалу¹². Приступая же к аналогичной деконструкции правовой теории Л. И. Петражицкого, мы по известным причинам (разрыв автора с классической парадигмой) вправе были рассчитывать на результаты гораздо более убедительные в данном отношении, хотя о полноте предпосылок, объективно необходимых для выработки конституционного правопонимания, и здесь говорить, безусловно, не приходится. Тем не менее вот на что представляется нам уместным обратить внимание.

Общие предварительные замечания и актуальность сравнения.

Предложение поучаствовать в дискуссии о типах понимания права, последуй таковое, скорее всего, вызвало бы искреннее недоумение Л. И. Петражицкого. Он — яркий догматик; его психологическая теория права — воплощенный критический дискурс о методологической несостоятельности любых (действительных и возможных) оппонентов. В этом отношении ученый показательно интересен и методологически значим для конституционной теории современного права (субсидиарный критический ресурс). Конституционное правопонимание открыто и принципиально адогматично: оно равноудалено от всех претендующих на истинность/легитимность своих представлений о праве доктрин и концепций, не учитывающих статус национальной конституции как *единого* источника любых внутренних и внешних (вторичных) правовых форм. При этом, однако, далеко не безразличны степени (качества) отстраненности юридических догм от посылки о верховенстве конституции как права. Пренебрегающие следствиями такого признания теории могут быть антиконституционными¹³ и аконституционными — различие существенное. Психологическая теория Л. И. Петражицкого принадлежит к категории аконституционных, но стоящих предельно близко к конституционному правопониманию. Решающим образом потому, что это *теория (феноменология) права и человека* в их онтологической связанности. Конституционная теория современного права признает справедливость такого предметного позиционирования и должна поэтому относиться к соответствующим достижениям Л. И. Петражицкого

¹² Крусс В. И. Актуальность конституционализации и задачи современной философии права (перечитывая Г. Ф. Шершеневича) // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): мат-лы VI ежегодной междунар. науч.-практич. конференции. Иваново, 5–8 окт. 2012 г.: в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново, 2012. Ч. 1. С. 90–107.

¹³ Позитивистские теории в целом антиконституционны; хотя бы с учетом того методологического довода Л. И. Петражицкого, что «нет в современном правоведении научной почвы и логического основания и для образования понятия “позитивное право” как научного понятия, имеющего научное содержание и научный смысл; ибо это предполагало бы обладание более общим, родовым понятием права просто и делением этого права на два вида, на позитивное и иное, не-позитивное, чего в современном правоведении не имеется» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 377–378).

с максимальным вниманием, поверяя их сквозь призму конституционной актуальности.

«Философия» прав человека. Выдвижение Л. И. Петражицким на первый план психологической стороны человека (личности) и сугубо научная фокусировка на этом предмете неизбежно редуцируют значение спекулятивных откровений даже в случаях, когда постановка проблемы не вызывает сомнений. Парадокс, но очевидно тяготеющая к гуманистической традиции теория именно в отношении человека нисходит в итоге к догматической версии *субъекта права* (физического лица). (Пришествие трансгуманизма могло бы предупредить такое критическое упрощение, но до него оставалось столетие.) Научное (в психологическом выражении) берет у Л. И. Петражицкого верх над собственно философским, онтологическим; эмпирически-подобострастное — над экзистенциальным. В конечном счете и его «теория нравственности» предстает выхолощенным *подобием* деонтологии права.

Так, в рассуждениях о юридических фикциях (где методологически уравниваются признание безвестно отсутствующего умершим и права младенца в утробе матери) Л. И. Петражицкий подчеркивает, что *«смысл права состоит не в правильных или неправильных утверждениях относительно бывшего или сущего, а в нормировании поведения, прав и обязанностей... Выражение “жизнь предполагается” означает вовсе не утверждение чего-либо, а требование неизменного исполнения обязанности от имени отсутствующего (живет ли он или умер, и безразличным является, как кто об этом думает) (здесь и далее в цитатах курсив наш. — В. К.)»*¹⁴. Вряд ли подобное восприятие уместно в плане философии неотчуждаемых прав и свобод человека. Наряду с этим для такой философии большое значение имеет сопутствующая критика позитивизма, в котором (на уровне теории субъективных прав) «обязанности и сторона обяания исчезают», «вопрос о природе обязанностей вообще обходится молчанием»¹⁵.

Обращаясь в связи с этим к проблеме права собственности и других абсолютных прав, Л. И. Петражицкий не без дерзкой иронии говорит об «ужасающем размножении субъектов [права]», о «появлении несметных полчищ таковых»: вследствие «покупки кем-либо булавки или карандаша происходит революция среди всех людей и народов на земном шаре, так как “все” обязаны по отношению к собственнику булавки; ко всем отправляются (в воображении юристов) запреты, все должны возыметь соответствующую волю, все люди попадают в “житейское отношение”... к купившему булавку и проч. и проч.»¹⁶.

В подобных реминисценциях коренится недвусмысленный упрек и будущим теориям общих (конституционных) правоотношений, и конституционному утверждению непосредственно действующих прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Но означает ли это, что интел-

¹⁴ Там же. С. 322.

¹⁵ Там же. С. 309.

¹⁶ Там же. С. 324.

лигибельные колкости состоятельны и даже адекватны? Либо же конституционное правопонимание просто выходит далеко за рамки видимого Л. И. Петражицкому юридически значимого «гештальта»?

«Гештальтпсихология не делит сознание на его составные компоненты. Теоретики этого толка считают, что восприятие не может создаваться или формироваться исключительно через человеческие ощущения, а свойства различных фигур, характеризуя только ее отдельные компоненты, описывать нельзя. Сознание из частей своего рода мозаики формирует целостное, создавая гештальт»¹⁷. Направление это в эпоху Л. И. Петражицкого еще не сформировалось.

Как ученый сугубо рациональный, Л. И. Петражицкий — дабы избавиться от гнета намеченных выше представлений — справедливо предлагает «исходить из того простого положения, что правовые явления и их элементы суть явления не материального мира, а *духовного* мира, что для отыскания и изучения их следует обращаться не к поискам во внешнем мире (к Другому. — В. К.), а к психике тех, кто переживает подлежащие психические процессы, приписывает себе или другим представляемые существам соответствующие права, обязанности и т. д. Здесь, в психике подлежащего индивида, и *только в этой сфере* имеются правовые явления как сложное целое и все их элементы»¹⁸.

Приведенное разъяснение весьма показательно. С позиций конституционного правопонимания характеризуемое таким образом принципиальное недоразумение преобразуется во всеобъемлюще-разумное, поскольку мы соглашаемся, что речь идет о представлениях отнюдь не безликого индивида (субъекта права), а *носителя и представителя* (номинанта) правовой реальности, сознательного (осознающего свою реальность) правообладателя и субъекта конституционного правопользования. Тогда как у *обезличенного субъекта* психических переживаний о праве нет никакой возможности для построения *конституционных юридических суждений*, которые *вполне могут* касаться умерших (покойных) людей или казны (в той мере, в какой это не противоречит существу прав человека), но никак не могут относиться к Зевсу или Святому Георгию как персонажам, которых Л. И. Петражицкий не просто вводит в пространство юридических фантазмов субъектов высказываний, но и гносеологически *уравнивает* со всеми субъектами права¹⁹.

По Л. И. Петражицкому, психическая сфера нахождения и изучения правовых явлений предполагает надлежащим методом изучения субъектов права «самонаблюдение и соединенный метод внутреннего и внешнего наблюдения». Только благодаря этому, разъясняет он, можно избавиться в противоречиях и от «перетолковываний» в суждениях о юридических

¹⁷ Понятие гештальт в психологии. Основные методы и техники гештальт-терапии // Все о стрессе. URL: <http://vseostresse.ru/emocionalnye-narusheniya/metodypsixoterapii/geshtalt-terapiya.html> (дата обращения: 20.10.2017).

¹⁸ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства... С. 325.

¹⁹ Там же. С. 326.

лица (казна, монастырь и др.)²⁰. Однако в конституционном право- понимании обозначенной проблемы нет, поскольку всё представляемое актуализируется здесь в конституционной реальности, не мыслимой без правообладателя. Равным образом и *научно-психологический* метод Петражицкого выглядит *отчасти* вполне конституционным, поскольку *мы всегда обязаны* давать конституционную оценку (характеристику) действиям и намерениям, как своим, так и — одновременно — наших контрагентов в реальности, и модели конституционного правопользования; *мы должны* соизмерять всё происходящее (всё сущее) с субъективно-объективными критериями и требованиями конституционного должного. Однако главное здесь в другом: метод (надлежащее, правильное) восприятие задается не психологическим строением нашей личности, а *безоговорочным* (помимо рационального) признанием факта нашей включенности (встроенности) в конституционную реальность — «без нас» не существующую по определению.

Тем не менее в ряде конкретных вопросов Л. И. Петражицкий очень близко подходит к конституционной теории человека; например, когда отмечает укорененное в правовой психике «смутное сознание» присутствия «какого-то единого третьего субъекта», которому и принадлежит «право собственности на найденную нами вещь»²¹. Сходным образом он справедливо подчеркивает, что в суждениях о юридических лицах нужно не создавать «головомолные проблемы», а исходить исключительно из того, какие права (и обязанности) приписываются таким субъектам²², и — добавим — почему такое «приписывание» юридически достоверно, *легитимно*.

В последнем выделенном нами аспекте с имманентной догматике Л. И. Петражицкого антиномичностью сокрыто и коренное отличие психической теории права от конституционной. Человек конституционный, конечно же, обладает и психикой, и психологическим восприятием права. «Конституционная психика» также предполагает конституционную легитимацию в плане направлений и содержательных пределов ее «объективных выражений». За рамками таких — *легитимирующих* — критериев и пределов они могут оставаться (казаться) юридическими, но уже не будут конституционными. Конституционную легитимацию нельзя утвердить на основе исключительно индивидуальных особенностей данного человека, его возраста либо «в зависимости от ступени народной культуры, религиозных верований, поэтических способностей»²³.

Конституционная легитимация актуальна и для явления, которое у Л. И. Петражицкого выражается понятием «неофициальное право», поскольку она обнаруживает, что в действительности главным для права (конституционного) выступает не деление на официальное и неофициальное, интуитивное или позитивное, а обоснование его (права) как конституционного в противовес неконституционному (не праву). Другое дело,

²⁰ Там же. С. 330.

²¹ Там же. С. 332.

²² Там же (сноска).

²³ Там же. С. 333.

что подходить к такой легитимации следует уже с позиций конституционализации позитивного права, включающего статусные характеристики его субъектов²⁴. Конституционализация есть «обретение», объективирование права (в онтологическом смысле) по мере легитимного отождествления его с конституцией.

Л. И. Петражский по понятным причинам не оперирует понятием конституционализации статусов субъектов права, но вскользь замечает, что «в детском праве имеются такие субъекты права, например, куклы, каких не имеется в правовой психике взрослых, и обратно»²⁵. Пример, наглядно демонстрирующий, насколько социальная реальность оказалась потенциально фантастичнее традиционных возрастных «миров», и, что более важно, почему конституционная реальность сохраняет значение эталонной для целей юридической идентификации безотносительно к метаморфозам и метафорам эпохи постмодерна. Вопрос о том, являются ли киборги (в ближайшем будущем) или андроиды как секс-утешители (в актуальном настоящем) субъектами права, может и должен решаться с позиций конституционного правопонимания общеобязательным (в формате национальной правовой системы) образом, поскольку от такого решения зависит витальная полнота конституционной реальности, непререкаемо ценностная для каждого конституционного субъекта права.

В приведенном фрагменте Л. И. Петражицкий высказывает и представление, как бы прямо подходящее для конституционной теории права. Он подчеркивает: «Субъектами обязанностей и прав бывают не только индивидуальные, конкретные представляемые существа, но и классы таковых, роды, виды, хотя классы не представляют чего-то существующего во внешнем мире... а являются содержаниями или объектами абстрактных, общих идей»²⁶. Подразумеваются, например, родители, дети и т. д.

«Среди бесчисленных классов, могущих быть и бывающих в правовой психике субъектами прав и обязанностей, особое значение имеет класс, обозначаемый местоимениями: “все”, “каждый”, “всякий кто бы ни был” и т. п. Именно с ними ассоциируются прежде всего абсолютные права и обязанности, а значит — и абсолютные правоотношения»²⁷.

Применительно к таким правоотношениям отдельно обозначается Л. И. Петражицким проблема нравственных обязанностей.

Право, нравственность и конституционное должное. Конституционное правопонимание дает единственное в своем роде решение обозначенной проблемы. И здесь опять-таки логика и аргументация Л. И. Петражицкого отмечены выраженной субсидиарной ценностью. Он, в частности, критикует «поверхностные» суждения философов и моралистов и убежден: «...субъектами нравственных обязанностей бывают [не только носители

²⁴ Подробнее о сути феномена конституционализации см., напр.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории: монография. М., 2016. С. 8–14 и сл.; Зорькин В. Д. Конституционный Суд России... С. 60–61.

²⁵ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 333.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 334.

(лица) свободной и разумной воли, но и], например, и государства, общины, города, земства, университеты, акционерные компании и т. п.; таким субъектам *приписываются* (курсив наш. — В. К.) нравственные обязанности заботиться о бедных, о просвещении, честно и доброжелательно относиться к служащим, к рабочим и проч. и проч.»²⁸.

Идея универсального конституционного должного отчетливо проступает сквозь ткань таких суждений, но лишь до момента, пока не приходит пора заявлений, что «субъектами нравственных обязанностей (и эстетических децентностей) могут быть и бывают и животные, духи усопших, божества и проч. и проч., индивиды и классы, в том числе “всякий”»²⁹.

«[Кроме того] в нравственности, не склонной к признанию представительства в узком смысле слова, люди бывают обыкновенно субъектами лишь с известного (точнее, не определенного) возраста; новорожденным младенцам нравственных обязанностей обыкновенно не приписывается»³⁰.

Последнее (вынесенное в сноску) замечание особенно показательно в плане его несостоятельности. С позиций конституционного понимания человек необходимо воспринимается как личность, а полнота личностного развития ассоциируется с возможностью самостоятельного правопользования. Для такого правопользования не важна его техника, но необходимо, чтобы несамостоятельное правопользование несовершеннолетних было таким же конституционным и нравственным как всякое иное. И здесь уместно будет признавать и учитывать, что исполнение обязанности — это «реализация подлежащего представления, реальное совершение подлежащего действия»³¹.

Достаточно неожиданно в суждениях об обязанностях и должном Л. И. Петражицкий, по сути, предвосхищает проблематику далеко отстоящих от него во времени соматических прав человека. Характеризуя существующие (плюралистические) представления о видах объектов прав, он делает такое замечание: «Многие считают также собственную *личность управомоченного* (курсив наш. — В. К.) объектом в области прав жизни, телесной неприкосновенности, чести и т. п. так называемых прав на собственную личность»³². Рискнем в связи с этим заметить, что в первоначальной (аутентичной) номинации соматические права были определены нами как «личностные» (именно так, в кавычках), на что практически не обращали внимание увлеченные юридической соматологией исследователи³³. Говоря коротко, наш посыл в данном отношении был сугубо критическим. Пользование соматическими правами и свободами неизбежно приобретает характер злоупотребления правом.

²⁸ Там же. С. 336.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же (сноска).

³¹ Там же. С. 339.

³² Там же. С. 337.

³³ *Крусс В. И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

Л. И. Петражицкий, как нам представляется, подходит к достоверно конституционной идее *актуальной содержательной конкретизации (основных) правовых обязанностей* там, где пишет: «Объектом нравственных и правовых обязанностей может быть... такое (представляемое как должное) поведение, которое состоит в более или менее сложных совокупностях, рядах и системах, разных отдельных действий, воздержаний и терпений; объединяемых общими представлениями и именами: “воспитывать детей”, “управлять страной”. Сообразно с этим следует различать простые или элементарные объекты... и простые обязанности, с одной стороны, сложные объекты и сложные обязанности, с другой стороны»³⁴.

Подобного рода «сложные обязанности» в конечном счете могут быть поняты именно как конституционные, содержательная конкретизация которых составляет важный момент конституционализации права. Сходным образом с позиций конституционного правопонимания «в акте исполнения обязанности» наряду с действиями (и переживаниями) главными или основными *необходимо присутствуют* (имеют место) также действия и переживания «вспомогательные или последовательные»³⁵.

«Например, в области долженствования претерпеть... тюремное заключение... вспомогательными объектами могут быть положительные действия (признаться в совершении проступка, возвратиться в отечество, явиться в полицию или к прокурору, сообщить о содеянном и т. д.), различные воздержания (например, от бегства, от сопротивления), различные терпения (например, предварительного заключения, вопросов, обвинительных речей и проч.)»³⁶. Признаться, нам не доводилось читать у современных авторов о безусловно существующей (актуальной) конституционной обязанности преступника признаться в совершении преступления.

Конституционными коннотациями отмечены также носящие для Л. И. Петражицкого факультативный характер высказывания в пользу того, чтобы, признавая «так называемые индивидуальные обязанности и обязанности по отношению к другим людям или так называемые социальные обязанности», мы не забывали о Боге как дестинаторе (адресате) нравственных (т. е. конституционных) обязанностей³⁷.

Однако конституционный контекст *неизбежно стирается* («симпатические чернила науки») там, где Л. И. Петражицкий, следуя своей методологии, утверждает: «Традиционные учения юристов... о том, что право охраняет только человеческие интересы, что если запрещается правом жестокое обращение с животными, осквернение могил, богохульство и т. п., то это делается отнюдь не ради животных, покойников, Божества, а ради людей, ради того, чтобы не возбуждать неприятных чувств у людей и т. д. — представляют произвольные и методологически недопустимые перетолковывания фактов сообразно с личными практическими взглядами»³⁸.

³⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 343.

³⁵ См. об этом: Там же. С. 343–344.

³⁶ Там же. С. 344.

³⁷ Там же. С. 352.

³⁸ Там же. С. 353.

Конституционное правопонимание стоит на утверждении наличия такого рода взглядов (идеалов и ценностей), которые не могут зависеть (в аспекте легитимности) от «личных практических» их обработок.

Заслуживают внимания и критические доводы Л. И. Петражицкого против позитивистской теории юридических фактов, поскольку и эти доводы оказываются конституционно состоятельными. Он, в частности, пишет: «Для существования таких, например, прав, как права на то, чтобы нас не подвергали истязаниям... вовсе не требуется особого фактического основания, особого “порождающего” такое право юридического факта... [Налицо] существование (приписывание) прав, не предполагающих наличия каких-либо юридических фактов»³⁹. Иными словами, выдающемуся ученому был очевиден избыточный характер юридических фактов для актуализации права человека, что особым образом подчеркивает их онтологическую самость и принципиальное отличие от субъективных прав.

И еще одну мысль Л. И. Петражицкого хотелось бы здесь отметить, памятуя о периодически звучащих научных призывах прекратить «сакрализацию» Конституции РФ и мифологизировать значение ее преамбулы. Это вполне переводимое на конституционно-правовой язык суждение о том, что изречения Евангелия нужно воспринимать как нравственно нормативные факты — позитивные основания соответствующих обязанностей⁴⁰. Преамбула Конституции РФ есть и квинтэссенция необходимой идеологии (философии жизни) российского народа, и «генеральный корректор» любых суждений о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина в Российской Федерации

Критика методологии и практико-ориентирующего состояния науки права. В целом ряде своих высказываний Л. И. Петражицкий предстает чрезвычайно актуальным в данном отношении. Его доктрина содержит своего рода «перечень» вопросов, которые приземленная в практическом смысле теория не в состоянии сколько-либо последовательным образом разрешить, поскольку «примешивает к изложению теоретических положений о праве вообще и его элементах изложение практических начал: содержания предписаний современного права, не различая того и другого... [Образуется некая] смесь теории права с догматикой»⁴¹.

В «перечень» действительно и поныне проблемных для догматической теории права вопросов Л. И. Петражицкий включает учения о существовании объективного права без субъективного, о нормах права, не порождающих никаких субъективных прав, не наделяющих никого никакими правами; о законодательных актах, устанавливающих непосредственно субъективные права (например, личные привилегии) без норм права; положения о существовании правоотношений без обязанностей и прав без правовых обязанностей, а также вопросы о том, что чему предшествует:

³⁹ Там же. С. 369.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же (примечание).

обязанности правам или права обязанностям; существуют ли права без объектов⁴².

Всегда при этом критические суждения заканчиваются у Л. И. Петражицкого утверждением, что все такого рода «спорные вопросы, сложные и замысловатые проблемы» получают «легкое и простое разрешение» с точки зрения психологической теории права⁴³. Теория конституционного правопользования, в свою очередь, предлагает соответствующие ответы. И это побуждает задуматься о том, совместима ли и насколько методологическая пропозиция Л. И. Петражицкого со взглядом на Конституцию РФ (с учетом ее преамбулы и ст. 18) как на *общеизвестный нормативный факт при наличии всем принадлежащих прав, свобод и обязанностей человека, которыми каждый пользуется и должен иметь возможность пользоваться*.

В частности, Л. И. Петражицкий вполне конституционным образом признает, что, во-первых, «позитивное право вследствие определяемости его содержания восприятиями внешних фактов, могущих быть одинаково познаваемыми и авторитетными для многих людей, способно доставлять соответствующий однообразный шаблон правил для более или менее значительных масс людей, несмотря на различие их характера, воспитания и т. д.»; а во-вторых, «интуитивное право имеет индивидуальный, индивидуально-изменчивый характер; его содержание (состав соответствующих диспозиций) определяется индивидуальными условиями и обстоятельствами жизни каждого, его характером, воспитанием, образованием, социальным положением, профессиональными занятиями, личными знакомствами и сношениями и проч. и проч. ... Будучи индивидуально-разнообразным по своему содержанию, интуитивное право вместе с тем отличается от позитивного тем, что его решения *свободно сообразуются* (курсив наш. — В. К.) с конкретными, индивидуальными обстоятельствами... [они] не стеснены... предустановленным шаблоном соответствующих законных предписаний, установившихся обычаев и т. д., с содержащимися в них решениями для общих категорий случаев, игнорирующими множество индивидуальных особенностей конкретных случаев жизни и не могущими их предусмотреть и с ними сообразоваться»⁴⁴.

Интуитивному праву равно чужды такие связанные с зависимостью содержания позитивного права от нормативных фактов *осложнения*, как «неизбежное отставание от постоянно и непрерывно развивающейся жизни» и «введение такого позитивного права, для надлежащего благотворного действия которого еще нет достаточного развития народной психики, нет еще необходимых экономических условий и т. п.». И наконец, «ему чужды “неправильности и неудачности развития” [в области позитивного права], возникающие в силу решающего действия “личного неразумия, легкомыслия, индивидуальных или групповых, злостных мотивов и соображений и проч.”»⁴⁵.

⁴² Там же. С. 370.

⁴³ Там же. С. 371.

⁴⁴ Там же. С. 383.

⁴⁵ Там же. С. 384.

В приведенных суждениях Л. И. Петражицкого, на наш взгляд, намечен путь к теории конституционной правоприменительной актуализации права в формате конституционной дискреции, весьма наглядно уже представленной эксплицитно в актах и правовых позициях Конституционного Суда РФ, а также в ряде научных исследований. Интуитивное право общности профессиональных судей как лиц, *причастных* появлению позитивного «преюдициального права», объединяющего «право судебной практики и отдельных преюдиций», выводит признание Л. И. Петражицким общей «потребности и тенденции позитивации» за рамки факультативных — для его теории права — уточнений⁴⁶. По мысли ученого, «явление» суда на авансцене правовой жизни не только удовлетворяет потребность в «унификации конкретных прав и обязанностей (соответствующих мнений) как таковых»⁴⁷, но и актуализирует такую форму позитивации права, как *вытеснение* интуитивного или позитивного права. Прежние, различные по содержанию, правовые мнения — как позитивного, так и интуитивного права — «устраняются или лишаются значения»: их заменяет третье правовое мнение. Причем не только высшие суды могут отступить от существующего «позитивно-правового, представляющегося им несправедливым шаблона» и вынести правосудное постановление (которое возводится в преюдициальный нормативный факт) согласно «интуитивно-правовой совести». (Весомый аргумент в пользу теории конституционной юстиции.) Подлежащая доктринальная аргументация Л. И. Петражицкого сходным образом работает и в вопросе о «юдициальном» (судебном) праве — как «самом сильном и авторитетном из всех видов права вообще»⁴⁸. И здесь нормативным фактом оказывается («представляется») такое проявление интуитивного права, когда суд (судья) решает дело по справедливости, полагая невозможным основывать свое установление на положениях закона или обычая. Остается признать справедливость предопределяющим конституционным принципом, чтобы вполне перейти в логику конституционного правопонимания.

Применительно же к неизбежной антиномичности заметим, что принципиальное значение исключительно конституционного правопонимания для практики правоприменения (и правопользования) апофатическим образом выводится из доводов, в которых Л. И. Петражицкий объясняет, почему «возможно и часто интуитивное право представляет менее доброкачественное право по своему содержанию по сравнению с соответствующим позитивным правом». Таковы: 1) релятивизм условий индивидуального развития интуитивного права, ведущих к явлениям и злокачественного, и даже патологического характера; 2) неизбежная тенденциозность коллективного интуитивного права развиваться «в направлении одностороннего предпочтения подлежащих интересов в ущерб другим»⁴⁹.

⁴⁶ Там же. С. 383, 455.

⁴⁷ Там же. С. 155.

⁴⁸ Там же. С. 456.

⁴⁹ Там же. С. 385.

Не на этой ли основе неконституционного позиционирования (и его психологических предпосылок) деградирует сегодня институт ТСЖ; прирастает анекдотическими коннотациями корпоративная «солидарность» адвокатов; развиваются повсеместно офшорные патологии финансового самоопределения бизнес-элиты; пульсируют секторные фрустрации законодательной политики на тему приоритета «публичных интересов»?

И прежде всего, учитывая и психологическую аналитику Л. И. Петражицкого, настало время признать, что без *вмененного* — институционально подготовленного и легально поддерживаемого и стимулируемого — конституционного правопонимания никакие реформы судебной системы невозможны: неизбежной конечной точкой иной дорожной карты будет организационно-функциональный коллапс правосудия и его полная социальная (общенародная) дискредитация, делегитимация.

Впрочем, и в данном вопросе, как и всегда, в поиске научных обоснований мы можем полагаться на теорию Л. И. Петражицкого только до известного предела (черты). И обозначается она достаточно скоро. На фундаментальном уровне «пагубная кривизна» апологетики интуитивного права «групп и классов» проявляется в суждении о том, что «по интуитивному праву разных сфер существует величайшее неравенство личных прав разных членов общения (барина и камердинера, мужа и жены и др.)»⁵⁰. В позитивистской науке конституционного права такое восприятие во многом соответствует давно исчерпавшей себя риторике о различиях конституций юридической и фактической, поскольку оно (подобное восприятие) не готово (не может) всерьез воспринимать обоснования реальности конституций современного типа.

По Л. И. Петражицкому, обязанности и права представляются «всеобщими, всегда и везде сущими и т. д.» только «в области интуитивного права»⁵¹. И замечательно то, что мы не можем отказать данному умозаключению в исторической правоте. Однако появление такого «нормативного факта (состава)», как национальная конституция, признающая неотчуждаемые права и свободы человека, — в корне меняет ситуацию, возводя представление о таком нормативно-значимом составе (реальном и релевантном факте) в стадию конституционного правосознания и определяя перспективу конституционного правопонимания. Особо отметим поэтому ремарку Л. И. Петражицкого о том, что мотивационное действие позитивного права вопреки общему правилу может превосходить «интенсивность правовых эмоций в области интуитивного права», в частности «в психике [лиц,] питающих высокое уважение к традициям и обычаям предков»⁵². Согласно Преамбуле Конституции РФ соответствующее уважение — *необходимая предпосылка* любой правовой коммуникации и правопорядка.

Приходится признать, что Л. И. Петражицкий отчасти предвосхитил и идею *неопосредованного* (непосредственного) конституционного право-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 387.

⁵² Там же.

пользования, происходящего за рамками позитивной регламентации и часто в такой регламентации прямо не нуждающегося (в семейной, домашней жизни, в области любви, дружбы, приятельских, товарищеских и иных «обширных областях социальной жизни»). Он отмечал, что здесь именно интуитивное право играет «весьма большую и существенную роль в качестве фактора индивидуального поведения и массовых социальных явлений»⁵³. В предложенном нами определении конституционного правопользования аналогичным образом характеризуется именно конституционное правопонимание (правоосознание и правосприятие), а в соответствующей теории в целом неоднократно подчеркиваются и уже проявленная пагубность «тотальной юридизации» общественных отношений, и сокрушительный (для права) сценарий, и перспектива раскрытия такой тенденции.

Схожим образом Л. И. Петражицкий констатирует (на основе самонаблюдения и индукции) специфику сферы действия интуитивного права, часто безразличного к законодательно предписанным установлениям. Безразличного, поскольку человеческой психике «свойственна тенденция вырабатывать и давать определенные интуитивно-правовые решения [только] на те вопросы, которые сознаются как вопросы причинения добра или зла другим или получения известных благ, известных плюсов, или испытания известных зол, обременения известными минусами со стороны других». Там, где чего-либо из обозначенного нет, «интуитивно-правовая совесть не реагирует, проявляет безразличие отношение; соответствующих правовых переживаний не возникает»⁵⁴. Причем к не порождающим правовых вопросов сферам он относит вопросы (в современной терминологии) межбюджетных отношений или образовательных стандартов, но сразу же уточняет: такие вопросы финансового хозяйства, которые связаны с распределением [фискально-экономического] бремени, или податных (налоговых) преференций, или финансирования национальных (региональных) образовательных проектов, — затрагивают интуитивно-правовую психику очень серьезно, и потому имеется «соответствующее интуитивное финансовое право»⁵⁵.

Здесь различие конституционного правопонимания и эмоционально-психологического подхода Л. И. Петражицкого проявляется как существенное. Во-первых, будучи по своей природе *солидарными*, конституционные права и обязанности не позволяют воспринимать их как индивидуальные правомочия и относиться к ним соответствующим образом со всеми вытекающим из этого последствиями. Во-вторых, конституционные права и свободы актуальны исключительно как ограниченные (и урегулированные), т. е. связанные идеалами общего блага и соответствующими охранительными требованиями; поэтому для «человека конституционного» не может быть безразличных (не резонирующих его правовой

⁵³ Там же. С. 388.

⁵⁴ Там же. С. 389.

⁵⁵ Там же. С. 390.

совести) областей в структуре правопорядка. Сегодня и о финансовом праве можно говорить только как об институционально комплексном образовании, производном от конкретизаций нескольких основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Интуитивно-конституционное переживание сущности и значения таких полномочий может в немалой степени содействовать обретению конституционного правопорядка в проекции финансовых связей и отношений, даже на фоне исторического пришествия такого гиперсимулякра и социально-психологического фантазма, как криптовалюты.

Правовое усмотрение и конституционная дискреция. Актуализация интуитивного права у Л. И. Петражицкого тесно связана с теорией конституционной дискреции и преодоления юридического формализма в конституционном правопонимании. Многих сегодня заденут или поражают такие *честные* (а честность нельзя изъять из правового дискурса) утверждения теоретика: «Какая кому отметка причитается на экзамене, это дело интуитивно-правовой совести экзаменатора и не может быть разумно predetermined позитивным правом. В области наказаний в различной сфере жизни, в семье, школе, в уголовной области весьма важно соразмерение наказания со степенью виновности, что может быть достигнуто только с помощью интуитивного, а не позитивного права... *Культурное* (конституционное! — В. К.) уголовное право фиксирует только пределы, предоставляя соответствующий простор для действия интуитивного права»⁵⁶.

Исходя из представления о том, что конституционализация есть *переход* (утверждение) возможности конституционного правопользования в *качество* нормативного факта, вполне достоверным видится нам взвешенное суждение Л. И. Петражицкого о том, что «по мере *облагораживания и социализации* человеческой психики (аллюзии к вырастанию конституционного государства на почве гражданского общества у Гегеля. — В. К.) давление унификационной тенденции права, ведущей к жертвованию существом дела из-за точной фиксированности и бесспорности правоотношений, постепенно ослабевает, и потому можно дедуктивно, в *качестве закона развития права* (получающего доктринально-нормативную легитимацию в актах Конституционного Суда РФ. — В. К.), установить положение, что сфера, представляемая позитивным правом действию интуитивного права, *должна* с течением времени все более увеличиваться»⁵⁷.

Конституционность и нравственность. Именно в таком категориальном соотношении обретает решающий вес принципиальная критика Л. И. Петражицким юридической теории интересов. «Стремясь все свести к эгоизму и материальным расчетам, теория интересов вместе с тем в качестве *deus machina* должна ввести предположение необъяснимого для нее и неведомого психического элемента... и речь может идти о нравственной или правовой психике». И далее идет отсылка (иллюстрация)

⁵⁶ Там же. С. 391.

⁵⁷ Там же. С. 391–392.

к лозунгам о «правах человека и гражданина» во французской и американской революциях⁵⁸.

Конституционный принцип и ценность справедливости. Л. И. Петражицкий немало сделал для преодоления многообразного, но всегда пагубного различия права и справедливости, которое, например, оказалось камнем преткновения для Кельзена. На первый взгляд, его решение не содержит ничего примечательного по сравнению с общими исходными посылками. Он полагает, что «масштаб справедливости представляет собой некий особый масштаб, наряду с разными другими, надлежащими в своих областях масштабами, и требуется определение его специфической природы. Справедливость представляет не что иное, как... интуитивное право»⁵⁹.

Что дает это конституционному правопониманию, которое включает справедливость (справедливое измерение) в понятие права как конституционного права, в том смысле, что неконституционное вообще не может быть правом, а всякое конституционное право — справедливое должно? Очень много для утверждения своей правоты, поскольку здесь Л. И. Петражицкий вынужден *отойти от канона психического измерения человека*. «Справедливость как реальное явление есть явление *духовной жизни*, психическое явление, и для научного, достоверного познания соответствующих феноменов требуется применение соответствующего метода, — констатирует ученый. — Мы здесь имеем дело не с переживаниями симпатии (карикативных эмоций) по чьему-либо адресу, не с суждениями об общественной целесообразности или вообще какими бы то ни было оппортунистическими суждениями и расчетами и т. д., а с принципиальными, нормативными переживаниями, и притом этическими переживаниями... здесь имеются этические эмоции, эмоции долга, соответствующее поведение сознается не как удобное для известной цели, а как должное, независимо от каких бы то ни было целей и расчетов... Здесь имеются и действуют императивно-атрибутивные эмоции... соответствующее сознание представляется сознанием того, что от одних следует, причитается другим... Здесь мы имеем дело... с суждениями не о том, что полагается по законам и т. п., а о том, что кому *по "совести"*... причитается, должно быть предоставлено и т. д. (курсив наш. — В. К.)»⁶⁰.

Далее Л. И. Петражицкий доходит до указания на критерий справедливости *при оценке права как права*, т. е. как на *критерий конституционной юстиции (суждений, правосудия)*. «Сообразно с этим... сами законы, правовые обычаи и т. д. подвергаются критике с точки зрения справедливости как некоего высшего масштаба и критерия; некоторые одобряются как согласные с *требованиями справедливости*, другие порицаются или даже отвергаются с негодованием как несправедливые, несогласные с требо-

⁵⁸ Там же. С. 397–398.

⁵⁹ Там же. С. 402–403.

⁶⁰ Там же. С. 403–404.

ваниями справедливости, лишаящие кого-либо того, что ему причитается и т. д.»⁶¹.

На фоне таких признаний известная амбивалентность итоговых суждений Л. И. Петражицкого по вопросу справедливости не портит общего впечатления. «Справедливость есть право, относится к классу права... Сознание справедливости оказывает давление на толкование, применение и научную разработку позитивного права, а равно является (мирно или революционно действующим) фактором сознания, разрушения и изменения позитивного права»⁶², — эти и подобные им высказывания вписываются (при минимальной редакции) в теорию конституционной юстиции. Признаем, однако, и *прямо аконституционный характер* представления ученого о том, что «вследствие независимости от нормативных фактов, законов и т. д. справедливость отличается индивидуальной изменчивостью по содержанию, имеет различное содержание у разных классов людей и индивидов, обладает большей способностью приспособляемости к конкретным обстоятельствам, чем позитивное право, развивается постепенно и незаметно... нормы справедливости представляются с наивно-проекционной точки зрения... вечными, неизменными, имеющими всеобщее значение и т. д.»⁶³.

В заключение приходится констатировать, что избежать постоянно проявляющейся двойственности конституционно-правовых оценок теоретических наработок Л. И. Петражицкого не получится. Его учение сформировалось до эпохи реального конституционализма. Однако его инновационная для своего времени неклассическая теория права и человека должна быть признана важным доктринальным источником уточнения и развития современной теории конституционного права в широком смысле: теории национальной конституции, неотчуждаемых и непосредственно действующих прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, специфической дуальности отношений и практик опосредованного конституционного правопользования.

Литература

Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 528 с.

Бондарь Н. С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 4–13.

Гаджиев Г. А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма, 2015. 320 с.

Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М.: Норма, 2017. 592 с.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 406–407.

⁶³ Там же. С. 407.

История государственно-правовых учений: учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. 672 с.

История политических и правовых учений: учебник / под ред. О. Э. Лейста. М.: Юрид. лит., 1997. 576 с.

Кравец И. А. Конституционная телеология и основы конституционного строя: науч.-практ. издание. Б. м.: Издательские решения, 2016. 200 с.

Кравец И. А. Конституция и герменевтика: вопросы теории // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 5. С. 38–49.

Крусс В. И. Актуальность конституционализации и задачи современной философии права (перечитывая Г. Ф. Шершеневича) // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): мат-лы VI ежегодной междунар. науч.-практич. конференции. Иваново, 5–8 окт. 2012 г.: в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. Ч. 1. С. 90–107.

Крусс В. И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. 176 с.

Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма, 2016. 240 с.

Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Издательство «Лань», 2000. 608 с.

Умнова (Конюхова) И. А., Алешкова И. А. Верность Конституции как концепция конституционного правопонимания Н. В. Витрука // Верность Конституции: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н. В. Витрука. М.: РГУП, 2017. С. 10–15.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.

References

Bondar N. S. Rossiiskoe konstitutsionnoe pravo v tsennostnom izmerenii: kak pravovoi otrasli, iuridicheskoi nauki, uchebnoi distsipliny [Russian constitutional law in the value dimension: as the legal industry, legal science. Academic discipline]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [The Constitutional and municipal law]*, 2013, no. 11, pp. 4–13. (In Russian)

Bondar N. S. *Sudebnyi konstitutsionalizm: doktrina i praktika: monografiia [Judicial constitutionalism: doctrine and practice: monograph]*. 2nd ed., rev. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2016. 528 p. (In Russian)

Gadzhiev G. A. *Ontologiya prava: kriticheskoe issledovanie iuridicheskogo kontsepta deistvitel'nosti [Ontology of law: a critical legal study of the concept of reality]*. Moscow, Norma Publ., 2015. 320 p. (In Russian)

Istoriia gosudarstvenno-pravovykh uchenii: uchebnik [The history of state-legal doctrines: the Textbook]. Ed. by V. V. Lazarev. Moscow, Spark Publ., 2006. 672 p. (In Russian)

Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik [The history of political and legal doctrines: the Textbook]. Ed. by O. E. Leist. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1997. 576 p. (In Russian)

Khabrieva T. Ya. *Konstitutsionnaia reforma v sovremennom mire [Constitutional Reform in Today's Context: monograph]*. Moscow, RAS Nauka Publ., 2016. 320 p. (In Russian)

Kravets I. A. Konstitutsiia i germeneytika: voprosy teorii [Constitution and hermeneutics: theory]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2003, no. 5, pp. 38–49. (In Russian)

Kravets I. A. *Konstitutsionnaia teleologiya i osnovy konstitutsionnogo stroia: nauch.-prakt. izdanie [Constitutional teleology and the foundations of constitutional order: Scientific-practical edition]*. S. I., Publishing solution, 2016. 200 p. (In Russian)

Kruss V. I. [Relevance of constitutionalization and the problems of modern philosophy of law (rereading G. F. Shershenevich)]. *Iuridicheskii pozitivizm i konkurentsii teorii prava: istoriia i sovremennost' (k 100-letiiu so dnia smerti G. F. Shershenevicha): mat-ly VI ezhegodnoi mezhdunar. nauch.-praktich. konferentsii. Ivanovo, 5–8 okt. 2012 g.: v 3 ch. [Legal positivism and competing theories of law: history and modernity (the 100th anniversary of the death of G. F. Shershenevich): materials of the VI annual international scientific-practical conf. Ivanovo, 5–8 Oct. 2012: in 3 parts]*. Ed. by O. V. Kuzmin, E. L. Kisses. Ivanovo, Ivanovo state University Publ., 2012, part 1, pp. 90–107. (In Russian)

Kruss V. I. *Konstitutsionalizatsiia prava: osnovy teorii: monografiia [The constitutionalization of law: theory: monograph]*. Moscow, Norma Publ., 2016. 240 p. (In Russian)

Kruss V. I. Lichnostnye («somaticheskie») prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy [Personal («somatic») human rights in constitutional and legal philosophical dimension: the formulation of problems]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2000, no. 10, pp. 43–50. (In Russian)

Kruss V. I. *Teoriia konstitutsionnogo pravopol' zovaniia [Theory of the constitutional enjoyment of human rights]*. Moscow, Norma Publ., 2007. 752 p. (In Russian)

Kruss V. I. *Zloupotreblenie pravom: ucheb. posobie [Abuse of the right: tutorial]*. Moscow, Norma Publ., 2010. 176 p. (In Russian)

Petrazhitsky L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei нравственности [Theory of law and state in connection with the theory of morality]*. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000. 608 p. (In Russian)

Umnova (Konyukhova) I. A., Aleshkova I. A. [Allegiance to the Constitution as a concept of constitutional law N. V. Vitruk]. *Vernost' Konstitutsii: sb. mat-lov mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu so dnia rozhdeniia N. V. Vitruka [Faithfulness to the Constitution: proceedings of the international scientific-practical conference devoted to the 80 anniversary from the birthday of N. V. Vitruk]*. Moscow, RGUP Publ., 2017, pp. 10–15. (In Russian)

Zorkin V. D. *Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika: monografiia [The constitutional Court of Russia: doctrine and practice: monograph]*. Moscow, Norma Publ., 2017. 592 p. (In Russian)